

ЧЕСЛАВ ЛАПИЧ

ИСЛАМ В ДИАСПОРЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТАТАР-МУСУЛЬМАН
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО)

Греческое слово *diaspora* означает «рассеяние» членов одного народа, этнической группы или людей, исповедующих одну религию, среди других народов, этносов или людей, исповедующих другую религию. Иными словами, эта лексема означает общество людей «рассеянных», относится к по-разному понимаемому, идентифицируемому и определяемому меньшинству, выделяющемуся на каком-то фоне и живущему среди доминирующего большинства.

С самого начала своего присутствия в Великом княжестве Литовском (ВКЛ), т. е. с конца XIV в., татары-мусульмане представляли собой именно такое общество, живущее в диаспоре, общество, рассеянное среди жителей ВКЛ, отличающееся своим происхождением, культурой, религией и т. п. Их численность в разные периоды колебалась от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч людей. На судьбу диаспоры оказывают влияние многие факторы и условия, как внутренние, так и внешние, в особенности ассимиляционные и диссимиляционные тенденции. Поистине, исторический феномен – тот факт, что татарская культурная и религиозная этногруппа на протяжении шести веков выжила в ВКЛ, сохранив сознание своего своеобразия в доминирующем обществе с другой культурой, религией, языком и т. п. Правда, в течение шести веков татары в значительной степени укоренились, утрачивая этнические диалекты, забывая свои степные традиции и обычаи, но по сей день сохранили самую важную ценность – религию отцов, т. е. ислам.

Жить, а тем более выжить непросто для любого меньшинства в диаспоре. Мухаммед Фетхуллах Гюлен, современный турецкий ученый и поэт, мыслитель и моралист, поборник христианско-мусульманского диалога, утверждает даже, что «в случае если адаптации к новым условиям не произойдет, последует исключение»¹. Это наблюдение касается любого меньшинства, рассеянного среди большинства, отношение которого к данному меньшинству может быть разным. Следует спросить: грозило ли татарам на протяжении более чем шестисотлетней истории ислама в ВКЛ исключение? Зависели ли шансы мусульман на выживание в новой христианской родине от абсолютной адаптации к новым условиям?

¹ *Michel Th. Fethullah Gülen as Educator*, <http://www.thomasmichel.us/gulen-educator.html> [просмотр 2 марта 2013 г.]

На эти вопросы приходится ответить отрицательно.

Правда, первыми татарами в ВКЛ были военнопленные, захваченные великим князем Витовтом, но благодаря предоставленным им экономическим и юридическим привилегиям, они быстро перестали чувствовать себя пленными и признали ВКЛ своей родиной. Это очень важный тезис: современный опыт зачастую показывает, что мощнейшим фактором, объединяющим жителей диаспоры, является идея совместной родины. Между тем, группу татар, оказавшихся в ВКЛ, не объединяли ни идея общей родины, ни язык. Поэтому пришельцы с Востока не оказывали никакого сопротивления и в короткое время стали лояльными гражданами новой родины, приняв также ее язык, а точнее – языки, а великого князя они почитали и уважали как своего халифа и лучшего хана. Их позитивный опыт в ВКЛ привлекал последующих тюрко-татарских поселенцев, которые на берега Вилии (Нерис) и Немана прибывали уже добровольно, обретая здесь покой и чувство безопасности. Эти факты не только подтверждаются многочисленными историческими источниками², но также и современные татары подчеркивают: в ВКЛ ни они, ни их предки никогда не чувствовали себя чужаками. Польский татарин Мацей Муса Конопакский из Сопота определял христианско-мусульманские отношения на древних землях ВКЛ следующим образом:

Мы столетиями жили в славянском окружении. Нас не преследовали. Нас считали земляками. Может быть, это повлияло на нашу привязанность к Речи Посполитой, на то, что мы потеряли язык и даже восточные черты лица. Но мы сохранили ислам <...> Шестьсот лет мы были инкрустированы в славянскую культуру. Даже наши мечети выглядят как церквушки, костелы. Но это мечети³.

Свою идентичность и религиозное своеобразие мусульмане ВКЛ сохраняли на протяжении более шести столетий сосуществования с христианами в границах Речи Посполитой; пришельцев с Востока, исповедавших ислам, никто не заставлял принимать католицизм или православие, никто не запрещал исповедовать свою религию, строить мечети, закладывать мизареты (кладбища). Своеобразное свидетельство полной толерантности оставила литовская татарка из Вильно (Вильнюс), жившая после войны в Торуне:

Я католиков всегда уважала. Никто не пытался меня никогда обращать, даже в школе. В Вильно я ходила в наилучшую гимназию – Сестер-Назаретянок. Несмотря на то, что школой управляли католические сестры-назаретянки, принимались также ученицы других вероисповеданий. Почти обыденностью стало присутствие в школе двух му-

² Ср., напр. *Muchliński A. Zdanie sprawy o Tatarach litewskich, przez jednego z tych Tatarów złożone sułtanowi Sulejmanowi w r. 1558 // Teka Wileńska. 1858. Cz. I, nr 4, s. 252–253.*

³ *Południk E. Szczeropolscy Tatarzy i partia Boga // Rzeczpospolita. 4 XI 2004, nr 259.*

сультманок. Сестры были очень толерантны, исходили из того, что Бог один. Я не была обязана молиться по утрам. Когда другие вставали на колени во время мессы – я стояла. В первом классе я принимала участие в уроках религии, потому что я была хорошо знакома с изучаемым там Ветхим Заветом. Во втором классе ходила на уроки, чтобы узнать о Новом Завете, но священник меня не спрашивал. В третьем классе объясняли догмы, поэтому на уроки религии я вообще не ходила. Сестра-директор освобождала меня⁴.

Исповедующие ислам татары ВКЛ на протяжении веков утратили некоторые признаки своей первобытной, степной идентичности, утратили этнические диалекты и арабский язык святой Книги (если они вообще когда-то его знали), однако сохранили главную ценность – общую для всех монголоидных пришельцев религию – ислам. Не подлежит сомнению факт, что в христианском обществе, в изоляции от живых источников и направлений ислама, нашим мусульманам было трудно сохранить в первоизначности все принципы своей религии, впрочем, и сами они знали, что их, так сказать, религиозные компетенции могут не успевать за живой, развивающейся в мусульманских центрах экзегезой ислама. Анонимный литовский татарин, совершивший паломничество из Вильны в Мекку, подготовил в Стамбуле рапорт для султана Сулеймана о ситуации мусульман ВКЛ и писал в нем, например, что «свет ислама у нас тусклый и... мы сами мусульманам кажемся неверными»⁵.

Однако подобное положение литовские мусульмане оправдывали вполне позитивным влиянием христианского окружения и не собственной ленью и религиозным равнодушием, но именно изоляцией от живых источников ислама. Тот же литовский татарин писал:

Если бы расстояние не было этому препятствием, несомненно Османские падишахи присылали бы нам своих улемов, которые поддерживали бы нашу веру в чистоте и наставили нас своим словом на путь истинный. В настоящей ситуации, не правильно бросать нам в лицо, что свет ислама у нас тусклый и... мы сами мусульманам кажемся неверными⁶.

Отметим также, что, согласно свидетельству Франтишека Мицкевича, старшего брата Адама, даже авторы многих и различных мусульманских религиозных рукописей, которых он мог наблюдать в Новогрудке, – всего лишь переписчики прадедовских книг, не понимающие того, что пишут, хотя этим делом занимались старцы или священники, то есть люди наиболее опытные и компетентные в

⁴ Bóg rozumie wszystkie języki. Rozmowa K. Nemere-Czachowskiej z Olgą Piotrowicz (litewską Tatarką) // *Gazeta Wyborcza (Regionalna)*. 15 V 1993, nr 112.

⁵ *Muchliński A.* Zdanie sprawy o Tatarach litewskich, przez jednego z tych Tatarów złożone sułtanowi Sulejmanowi w r. 1558 // *Teka Wileńska*. 1858. Cz. I, nr 4, s. 259.

⁶ Там же, s. 259–260.

теории и практике ислама⁷. Такое положение с религиозной компетенцией (или, скорее, с ее отсутствием) литовско-польских татар подтверждают также и другие источники и авторы. Владислав Сырокомля в середине XIX в. так характеризовал их религиозные ритуалы:

Религию запомнили лишь по форме и традиции; некоторые умеют прочесть Коран, но никто его не понимает, не исключая муллы. Собrania по пятницам в маленькой мечети, расположенной в тени деревьев, и приблизительное соблюдение поста Рамазана представляет собой всю их религиозную практику⁸.

Таким образом, необходимо отметить, что религия, на протяжении веков существующая в диаспоре, в среде других культурных и религиозных традиций, легко подвергается различным деформациям, упрощениям не только в сфере внешней обрядности, но и в сфере основных религиозных догм, требований и запретов. Ранее такое испытание стало уделом мусульман из Казахстана: их ситуацию исследовал и описал русский языковед и этнолог В. В. Радлов (1837–1918). Итоги его наблюдений схожи с наблюдениями о религии мусульман ВКЛ:

Казахский ислам действительно принял особый оттенок, определенный кочевым образом жизни. Мусульмане, живущие по-соседству с казахами, обвиняют их в пренебрежении законами шариата, незнании догм веры и часто называют их кафирами (неверными). По сути они сохранили некоторые языческие обычаи, внушающие ужас правверным мусульманам. Почти никто не читает молитвы днем. Также не очень точно соблюдают посты, считают совершенно позволительным во время поста нюхать табак. Часто знают только внешнюю сторону церемонии, а вместо молитвы произносят бессмысленные турецкие фразы. Скот убивают по мусульманским предписаниям, однако соблюдают их не очень достоверно⁹.

Не вызывает удивления тот факт, что по отношению к религиозным практикам наших мусульман в последние годы появилось немало возражений со стороны ортодоксальных мусульман, недавно приехавших в Польшу из исламских стран, особенно арабских. Свыше шести веков татары ВКЛ иначе понимали и практиковали мирное сосуществование с христианами, за что их и критикуют сегодня мусульмане из традиционных мусульманских стран. Но литовский татарин и мусульманин Мурат Бемяк, цитируемый Игнатием Ходзько в «Воспо-

⁷ Ф. Мицкевич писал об этом в своем Дневнике, опубликованном по рукописи и объясненном Ю. Калленбахом. *Pamiętnik Franciszka Mickiewicza. Lwów–Kraków–Warszawa, 1923.* Соответствующий фрагмент звучит следующим образом: *W tym języku do nabożeństwa pisanych książek używają – jakową pracą zajmują się starcy, albo młotnowie, czyli duchowni, ale i ci tylko kopiści książek pradžadowskich, nie znają, co piszą* (s. 67).

⁸ *Syrokomla W. Wycieczki po Litwie w promieniach od Wilna. Wilno, 1857–1860. T. 1–2.*

⁹ Цит. по: *Hauziński J. Tropem muzułmańskich dziejów. Toruń, 2007, s. 286.*

минаниях сборщика пожертвований», в разговоре с католическим монахом, собирающим деньги по дворам для бернардинского монастыря, так трактовал отношения христиан и мусульман в ВКЛ: «Вопросы веры будем решать на том свете, а здесь станем жить друг подле друга по-дружески»¹⁰.

Это дает право польской мусульманке из Крушинян Дженетте Богданович сегодня сказать: «наш отечественный ислам»¹¹. Корифей польских мусульман Мацей Муса Конопакский убежденно подчеркивает, что сегодняшние потомки мусульман ВКЛ «не нуждаются в том, чтобы их обращали в ислам»¹², ибо они более 600 лет прожили в христианской среде и сохранили веру в Аллаха и в призвание Пророка Мухаммада, сохранили веру, благодаря тому, что их никто не преследовал и что по отношению к христианам ВКЛ они чувствовали себя соотечественниками¹³. По сей день они практикуют ислам, принимая при этом активное участие в общественной, экономической и культурной жизни современной Польши.

Идентифицируя себя с новой родиной и живя в христианской среде, татары сознательно или неосознанно знакомились с принципами христианства, и некоторые элементы христианской теологии, обрядности и быта проникали в их религию и обычаи. Более того, татары интересовались христианскими публикациями, польскими переводами христианских книг и трактатов. Авторы оригинальной мусульманской литературы и переписчики книг превосходно разбирались в польских переводах Библии, цитировали и комментировали в своих рукописях их фрагменты. Неудивительно, что «в содержании и языке польских и белорусских переводов религиозных мусульманских текстов мы находим слова, выражения и фразы, присутствующие в арианских текстах, особенно в переводе Библии Будного. Автор этого перевода, его мысли, идеи и предлагаемая интерпретация Священного Писания, по всей вероятности, были очень близки литовско-польским татарам»¹⁴. Кроме того, среди сохранившихся татарских ру-

¹⁰ Chodźko I. Pamiętniki kwestarza. Poznań, 1988, s. 146.

¹¹ Rzeczpospolita. 25 V 2004, nr 121.

¹² Południk E. Szczeropolscy Tatarzy i partia Boga // Rzeczpospolita. 4 XI 2004, nr 259.

¹³ Современные польские мусульмане так оценивают исторические отношения с христианами на территории Великого княжества Литовского: Отношения польских мусульман с их немусульманскими соседями, несмотря на периодические кризисы, надлежит признать хорошими. Хотя ислам считался чужой религией, и даже враждебной, польские мусульмане пользовались снисходительностью и жили на польских и литовских землях, в своей вере, более шестисот лет [www.mzr.pl, просмотр 21 ноября 2012 г.].

¹⁴ Klucz do raj. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku w przekładzie i opracowaniu Henryka Jankowskiego i Czesława Łapicza. Warszawa, 2000, s. 24. Обширный набор установлений и аналогий к переводу Библии (Несвижской) Будного на примере трех наиболее старых рукописей литовско-польских мусульман составила Г. Мишкинене. *Miškinienė G. Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai* (Grafika. Transliteracija. Vertimas. Tekstų struktūra ir turinys). Vilnius, 1997, p. 128–131.

копией обнаруживаются также тексты, содержащие резкую критику, типичную для религиозных споров времени Реформации и Контрреформации, полемику с христианскими доктринами, в особенности с догматом Святой Троицы. Вне всякого сомнения, мусульмане использовали при этом весь спектр аргументов, встречающихся в их текстах крайне антитринитарских ариан, в том числе «литовских братьев», которых возглавлял Симон Будный, и «польских братьев», с которыми Симон Будный себя идентифицировал. Идеи ариан в Речи Посполитой встречались или с интересом, или враждебно. Бесспорно, христиане ВКЛ отмечали некоторое идеологическое сходство между исламом и арианизмом, в результате чего возникла враждебность по отношению к мусульманам, особенно после процесса против ариан и вынесения им приговора в 1638 г.

В рукописях татар ВКЛ, в особенности в хамаилах, мы находим обширные фрагменты польских переводов псалмов не только авторства Миколая Рея, но также Яна Кохановского, Веспасиана Коховского и даже католического епископа, поэта и писателя Игнация Красицкого. Авторы и переписчики мусульманских книг разбирались также в других жанрах христианской литературы. В книгах мы находим, например, польский перевод средневековой латинской редакции иудейского апокрифа «История очень чудесная... о сотворении неба и земли», в польском переводе появившегося в 1543 г. В некоторых рукописях использовалась католическая легенда о папе римском Григории. Со временем татары ВКЛ перенимали также свадебные обычаи, включая традиционные старопольские свадебные речи. Однако христианская литература воспринималась не рабски, буквально, но скорее адаптировалась и перерабатывалась так, чтобы ее содержание не противоречило догматам ислама. Часто татары переделывали на восточный лад христианские мотивы, имена, топонимы, изменяя их форму и придавая им мусульманские атрибуты.

Важным источником познаний татар ВКЛ о христианской религии, зачастую в какой-то степени формализованной, но воспринимавшейся литовскими мусульманами непосредственно и ежедневно, были повседневные связи и соседство с христианской средой. Здесь стоит упомянуть современное свидетельство мусульманки из Крушинян, Дженетты Богданович:

...когда мы были маленькие, была и елка, и подарки. Моя мама даже пела нам колядки. С католическими обычаями познакомилась до войны в школе. Священники были симпатичные, я любила ходить на уроки католической религии. <...> Мы приглашаем к нам во время праздников всех: и католиков, и мусульман. Можно в нашей семье праздновать, не празднуя, потому что традиционного сочельника у нас нет, но ведь встречаемся вечером за столом...¹⁵

¹⁵ Borowska K. Mnóstwo tu u nas świętowania // Rzeczpospolita. 24–26 XII 2010, s. A 9.

Другая виленская татарка, Ольга Петрович, вспоминает: «Каждый праздник – байрам – мы праздновали торжественно. Мы садились за обильно накрытый стол, мы посещали родственников и знакомых. Но так же прекрасно наш стол выглядел и в католическую Пасху, а потом – в православную»¹⁶. На стыке разных культур, традиций и религий возникали естественные, типичные явления культурной и религиозной интерференции и конвергенции. Поэтому не удивляет тот факт, что татары даже совершали паломничества в святые для христиан места, к чудотворным иконам Божьей Матери в Ружаныстоке и Троках (ныне Тракай), что, конечно, противоречило принципам ислама. Как подчеркивает А. Конопаккий, эти примеры свидетельствуют о том, что доминирующие в обществе христианские образцы проникали в религиозную жизнь мусульман. «...Эти татарки, покупая свечи и жертвуя их на алтаре, делали это не столько из веры – религиозных побуждений, сколько ввиду существующего обычая, который был им известен. С точки зрения ислама это, конечно, поведение, противоречащее доктринам религии»¹⁷. Наверное, это были не единичные случаи, так как даже современные турецкие мусульмане почитают «мать пророка Исы ибн Марьяма» (Иисуса, сына Марии) в одном из наиболее популярных среди паломников месте – в санктуарии на Соловьинной горе (Бюль-бюль-дагы – *Bülbüldağı*) близ Эфеса.

Не следует упускать из виду тот факт, что общественное, политическое, религиозное и культурное положение мусульман в ВКЛ, породившее специфическую, своеобразную религиозную литературу польско-литовских татар и обеспечившее сохранение ислама в диаспоре, не являлось чем-то особенным ни в истории христианско-исламских отношений, ни в пределах соотношения арабского языка (языка Корана) с другими языками. Поражает, однако, кардинально отличающаяся от прочих обусловленность этих отношений с другой – в плане культуры, истории и, прежде всего, религии – средой.

В отношения с арабским языком вошли вследствие различных причин несколько индоевропейских языков, в том числе: португальский, испанский и албанский, а также, по крайней мере, три славянских языка – польский, белорусский и язык боснийских сербов¹⁸. Это наблюдение вполне подтверждает тезис известного исследователя Давида Дирингера, автора фундаментальных трудов

¹⁶ Bóg rozumie wszystkie języki. Rozmowa K. Nemere-Czachowskiej z Olgą Piotrowicz (litewską Tatarką) // *Gazeta Wyborcza (Regionalna)*. 15 V 1993, nr 112.

¹⁷ *Konopacki A. Wzajemne przenikanie się islamu i chrześcijaństwa na przykładzie miejsc modlitw na ziemiach dawnego Wielkiego Księstwa Litewskiego // Dialog chrześcijańsko-muzułmański. Historia i współczesność, zagrożenia i wyzwania. Red. M. Lewicka i Cz. Łapicz. Toruń, 2011. Cz. 1, s. 142.*

¹⁸ Предполагается, что первым письменность боснийских мусульман исследовал (во всяком случае писал о ней) О. Блау. *Blau O. Bosnisch-türkische Sprachdenkmäler. Leipzig, 1867.*

по истории письма: «Алфавит следует за религией»¹⁹. Суть дела, однако, в том, что арабский алфавит появился в Сербии и других балканских странах (например, в Албании), не одновременно с религией (что имело место в случае с татарами ВКЛ), а вследствие завоевания этих стран мусульманской Турцией. Итак, мусульманские сербские тексты, написанные арабским алфавитом, появились в связи с завоеванием турками Боснии и Герцеговины в XIV–XV вв. Их возникновение – результат тюркизации этнического славянского населения и исламизации живущих здесь славян. В данном случае верен не столько тезис Дирингера, сколько албанский лозунг „*Ku ëshhtë szpata, ëshhtë feja*“ – ‘Где меч, там и вера’²⁰. Именно Албания в конце XV в. вошла на несколько столетий в состав Османской империи, а новые хозяева ввели с христианского населения расширившейся империи большой религиозный налог. Следствием этого стало массовое принятие ислама албанскими христианами и использование в письменности исламизированной Албании в качестве литературных языков употребляемых в Османской империи турецкого, персидского и арабского. Вскоре новое поколение албанцев, воспитанное уже в традиции и культуре ислама, стало использовать в письменности родной язык с арабской графикой. Таким образом, возникла литература албанских бейтеджи, являющаяся разновидностью литературы альхамьядо. Этот испанский термин определяет творчество на местном языке, записанное, однако, средствами соответственно приспособленного арабского алфавита и развивающееся под сильным влиянием традиции и культуры ислама. «Литературным языком бейтеджи был албанский, так сильно насыщенный турецкой, арабской и персидской лексикой, что для современного албанца чтение этих произведений очень сложно и требует использования словаря»²¹. Со всей убежденностью можно сказать, что условия, в которых возникла албанская литература бейтеджи и альхамьядо боснийских сербов, сильно отличались от тех, которые породили письменность татар ВКЛ. Различия эти – историко-политической, а также религиозной, культурной и социальной природы. Балканская литература альхамьядо возникла как результат не вполне добровольной и спонтанной исламизации завоеванных балканских народов, главным образом, славян (боснийцев) и албанцев, т. е. народов христианских. Литература же татар ВКЛ была результатом добровольной и естественной славизации (особенно колонизации) тюркских мусульманских переселенцев в христианском обществе, находившихся в тесном соседстве с литовцами, белорусами и поляками. Да и

¹⁹ *Diringer D.* Alfabet czyli klucz do dziejów ludzkości. Warszawa, 1972, s. 525.

²⁰ *Elsie R.* Zarys historii literatury albańskiej. Albańska literatura wieku XVIII i XIX. Przekład: I. Sawicka. Toruń, 2004. Zesz. 3, s. 10.

²¹ Там же, s. 13.

сама литература татар ВКЛ имела иной характер по сравнению с боснийской и албанской альхамьядо. Достаточно сказать, что литература альхамьядо мусульманских боснийцев – это, главным образом, светские тексты, прежде всего, поэтические и лирические. Со временем в них все больше проявлялись восточные элементы. Впрочем, параллельно с боснийской литературой альхамьядо исповедующие ислам боснийские ученые и писатели творили на турецком, персидском и арабском языках. Литература, написанная на главных языках ислама, могла быть доступна всем читателям мусульманского мира, в то время как литература альхамьядо на боснийском (сербском) языке носила очевидно локальный характер. Стоит отметить, что в отличие от татар ВКЛ, мусульманские боснийцы не перевели Коран на свой язык, что не позволило им развить комментаторскую кораническую литературу. Первый перевод Корана на сербохорватский язык был выполнен лишь в конце XIX в. (1895 г., автор Мичо Любibrатич), однако и этот перевод сделан не с подлинника, а с французского перевода.

Испанская речь записывалась арабским алфавитом также морисками²², т. е. испанскими мусульманами, которые в 1492 г. после падения Гранадского эмирата официально (как правило, не по своей воле) приняли христианство (католицизм), но, тем не менее, хранили в душе истинную веру согласно закону *такии* («*takija*», с араб. – ‘осмотрительность, осторожность’); именно они придумали письмо *aljamiyah* и литературу *альхамьядо*, включающую в себя молитвенники, религиозные трактаты и др. Исследователей этого явления особенно интересует языковая сторона текстов, их содержание не имеет большого значения. Поэтому очень интересно замечание исследователя И. Н. Воевуцкого (Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург): «...В книгах (татар ВКЛ. – Ч. Л.) и в смешанных рукописях морисков... можно найти одни и те же истории, т. е. «вкусы» народного, фольклорного ислама повсюду были одинаковы. Арабские источники этих рассказов у морисков я нашел, источников же татарских историй не знаю»²³.

²² Ср., напр., утверждение: Морисками – «маленькими маврами» – здесь называют старых мусульман, всех, которые должны были обратиться. *Menocal M. R. Ozdoba świata. Jak muzułmanie, żydzi i chrześcijanie tworzyli kulturę tolerancji w średniowiecznej Hiszpanii. Przekład: T. Teszner. Kraków, 2006, s. 184.*

²³ Эта информация была передана мне 24 марта 2004 г. по электронной почте. Что касается источников по теме китабов и т. д., которыми, несомненно, пользовались первые создатели и более поздние копиисты литовско-польской письменности мусульман, ср. *Klucz do raji. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku w przekładzie i opracowaniu Henryka Jankowskiego i Czesława Łapicza. Warszawa, 2000, особенно главы: Źródła kitabu (s. 20); Źródła muzułmańskie (s. 21–23) и Źródła niemuzułmańskie (s. 23–25).*

Следует со всей уверенностью подчеркнуть, что письменность испанских морисков возникла и развивалась в иных социально-политических условиях по сравнению с письменностью литовско-польских мусульман. Правда, после освобождения Испании от арабов и ее объединения католические короли обещали свободу религии, однако их декларации не всегда признавались католическими священниками, которые считали, что не следует связывать христиан подобными обещаниями. В 1498 г. кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос заставил мусульман принять крещение, и вскоре многие из них были насильно крещены²⁴. Новообращенные мусульмане оказались под юрисдикцией католической церкви, в рамках которой активно действовала инквизиция, следовательно, не удивляет тот факт, что мусульман легко было упрекнуть в ереси и в результате упечь в тюрьму, конфисковать имущество, изгнать или даже казнить.

Следствием преследований была эмиграция наиболее богатых, главным образом в Магриб. Однако бедные испанские мусульмане не могли позволить себе эмигрировать, поэтому приговорены они были к страданиям, даже если позабыли уже арабский язык и перестали практиковать правоверный ислам. Интеллектуальная элита морисков пыталась спасти арабско-мусульманское наследие группы, переводя арабские тексты на записываемые арабским алфавитом латинские диалекты, которые применяли мориски (литература альхамьядо)²⁵.

Совсем иначе складывалось сосуществование мусульман ВКЛ с преобладающей господствующей христианской средой. В многонациональной и поликультурной Речи Посполитой исповедовавшие ислам татары пользовались религиозной толерантностью и – наравне с литовско-польской шляхтой и другими общественными группами – имели много привилегий²⁶. Кроме того, литовско-польские татары могли без всяких препятствий и ограничений использовать в

²⁴ Аналогично, по принуждению и вопреки их воле были крещены литовские мусульмане начиная с первой, наиболее ранней фазы поселенцев, еще при Гедимине. В 1387 г. Владислав Ягайло крестил их вместе со всеми литовцами. Таким образом, первые татарские поселенцы на землях ВКЛ утратили свою религиозную особенность и полностью ассимилировались с местным населением. Более поздние мусульманские поселенцы на новой родине – в Великом княжестве Литовском – удостоились большей свободы и снисходительности.

²⁵ Stryjewski R. Muzułmanie w Hiszpanii // Muzułmanie w Europie. Red. A. Parzymies. Warszawa, 2005, s. 458–459.

²⁶ Ср. на эту тему в т. ч. работу: Sobczak J. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. Warszawa–Poznań, 1984. Между прочим, автор пишет: «Из-за исповедуемой религии у татар были незначительные ограничения и запреты, которые на практике приводили к запретам вступать в брак с христианками и иметь христианскую прислугу. На практике эти ограничения не соблюдались. Кроме случая уничтожения мечети в Троках и выступления Петра Чижевского не подвергались татары притеснениям в связи с исповедованием ислама» (s. 118).

религиозной практике литургический арабский язык, могли переводить, переписывать, распространять и использовать в религиозной жизни свои священные книги²⁷. То, что до XIX в., т. е. до момента публикации в 1830 г. «Изложения магометанской веры» (*Wykład wiary machometańskiej czyli islamskiej*) Юзефа Соболевского, книги были исключительно рукописными²⁸, не связано с административными запретами или отсутствием возможности книгопечатания в ВКЛ, но являлось следствием религиозных принципов самого ислама.

Сказанное о свойственной татарам ВКЛ специфике широко понимаемого культурного пограничья и культурного синтеза применимо не только к мусульманам в Боснии, Испании, Португалии и Албании, но также в Финляндии, Добрудже и Болгарии. На рубеже XIX–XX вв. группа приволжских и польских татар поселилась в Финляндии, где они адаптировались к угро-финскому населению – сохранив татарский язык, эта группа стала диаспорой, соединившей две традиции – тюркскую и угро-финскую. Татары, в конце XVI в. поселившиеся в Добрудже, также сохранили свой язык, обычаи, привычки, в то же время адаптируясь к румынскому обществу. Сходная ситуация сложилась и в Болгарии. Следует упомянуть также и о татарской диаспоре в Японии, насчитывающей около 60 тыс. членов и в условиях рассеяния помнящей и поддерживающей свои культурные и языковые традиции.

Подытоживая эти размышления, еще раз подчеркнем: татары ВКЛ полностью и добровольно признали ВКЛ своей родиной и оказались верными и лояльными сынами приемного отечества. Более того, они приняли его язык и культуру, защищали в случае опасности, даже от собственных соплеменников и единоверцев – татар и тюрков, нападавших на Речь Посполитую. Из своего степного наследия они сохранили ислам как важнейшую ценность – ислам, который со временем, в условиях быстрой ассимиляции, остался практически единственным признаком их идентичности. После Второй мировой войны – уже будучи литовскими, белорусскими и польскими мусульманами, татары трудятся на благо своей родины. Они по сей день практикуют ислам, но участвуют в общественной, экономической и культурной жизни современных Литвы, Беларуси и Польши.

²⁷ Во всей более чем 600-летней истории татарского поселения на землях Великого княжества Литовского отмечен всего один случай погрома татарского населения и поджога мечети в Тракай; это имело место в 1609 году, то есть в период Контрреформации.

²⁸ Не считая книг, не обязательно носивших религиозный характер, таких как: *Czyżewski P. Alfurkan tatarski prawdziwy na 40 części podzielony. Wilno, 1617; Azulewicz. Apologia Tatarów. Wilno, 1630* и др. издания из разряда полемической антиисламской литературы; ср. также *Nosowski J. Polska literatura polemiczno-antyislamiczna XVI, XVII i XVIII wieku. Wybór tekstów i komentarze. Warszawa, 1974. T. 1–2.*

Напоминание и осознание этих – казалось бы, столь очевидных – фактов обосновано в контексте событий, которые, особенно с начала XXI в, сотрясают цивилизованный Запад и возникновение которых вызвано конфликтом ценностей ислама и Западного мира²⁹. Современные мусульмане из Америки и Европы соглашаются с тем, что для жизни в мире широко понимаемого Запада необходимо выработать своего рода «западную мусульманскую идентичность». Главным образом, это означает практикование ислама и одновременно полноценное участие в общественной жизни Запада. Остается, однако, вопрос: как идти к этой идентичности? Комментаторы современных общественно-политических и культурных процессов предлагают мусульманам массу советов и рекомендаций. К примеру: «Ислам любой ценой вынужден модернизироваться, усвоить западные технологии, которые являются основой жизни остальной части мира; его будущее зависит от того, примет ли он или тоже отвергнет мировую цивилизацию»³⁰.

Возможно, судьба мусульман ВКЛ могла бы служить примером для эффективного решения проблемы интеграции двух столь различных культур – почти двух миров, зачастую враждебных, двух цивилизаций.

²⁹ Совершенно оригинальную и – по мнению Запада – чрезвычайно рациональную позицию, касающуюся отношений ислама с Западным миром, занимают – присутствующие также в Польше – последователи Движения *Ahmadiyya* (они ожидают повторного появления Божьего избранника, Магдега; им должен был быть живший в 1839–1908 гг. Ghulam Ahmad, который считал себя пророком многих религий: христианства, иудаизма, ислама и индуизма). Вот пример этой позиции: «Есть мусульмане, которые стали террористами. Некоторые думают, что оттого служат делу ислама и мусульман. Согласно исламу, такие лица — это не человеческие существа, но дикие звери. Ислам не допускает терроризма, независимо от того, какая возвышенная ему приписывалась бы цель. Настоящая религия террористов – один терроризм. Нет религии, которая разрешала бы такие жестокие действия, какие совершают террористы и сумела бы их простить. Некоторые террористы думают, что их наградой будет рай, и взрываются вместе с невинными мирными жителями. Они не в силах понять, что направляются прямо в ад. Терроризм должны презирать все нации и все группы внутри их» (цит. по: *Machut-Mendecka E. Świat tradycji arabskiej*. Warszawa, 2005, s. 79–80 из публикации *Chaudbry A. A. The Promised Messiah and Mahdi*. Islam International Publications Ltd, 1996).

³⁰ *Braudel F. Gramatyka cywilizacji*. Przekład: H. Igalson-Tygielska. Warszawa, 2006, s. 129.